

Наталья Александрова

Черное зеркало

Наталья Николаевна Александрова

Черное зеркало

Серия «Детектив-любитель

Надежда Лебедева»

Серия «Роковой артефакт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66962478

Александрова, Наталья. Черное зеркало: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-144852-3

Аннотация

В конце XIX века особняк купца Клюквина считался одним из самых богатых домов Петербурга. Особую гордость хозяина представляло венецианское зеркало необыкновенной красоты, привезенное из Италии и долгое время украшавшее усыпальницу самого графа Дракулы. Однако спустя несколько месяцев обнаружилась странная закономерность: с каждым, кто смотрелся в это зеркало, происходили несчастья, и тогда хозяин приказал спрятать его в кладовке.

С тех пор никто и никогда не видел проклятое зеркало, хотя слухи о его предполагаемом местонахождении ходят и в наши дни. Кое-кто даже утверждает, что оно до сих пор хранится в том доме в секретной комнате.

Шанс разгадать эту тайну появился у питерской домохозяйки Надежды Лебедевой, которая отправилась в особняк Клюквина на экскурсию...

Наталья Александрова

Черное зеркало

© Н. Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Часы на башне Оролоджо пробили полночь.

В казино и увеселительных заведениях возле моста Риальто и на Славянской набережной жизнь еще кипела: нарядные слуги разносили вино и закуски, кавалеры в расшитых золотом камзолах и разноцветных масках делали огромные ставки и проигрывали целые состояния. Но стоило отойти от этих значных мест, углубиться в темные переулки Дорсодуро или кварталы возле Фундаменто Нуово, и вы погружались в таинственную тьму и тишину венецианской ночи, изредка нарушаемую дробным стуком каблучков спешащей на свидание барышни в шелковой маске или плеском весла черной гондолы, скользящей по темной маслянистой глади канала.

Одна из таких гондол беззвучно подплыла к порогу темного палаццо. Высокий господин в черном плаще, треугольной шляпе и маске Бауты с длинным выступающим подбородком перешагнул с борта гондолы на мраморные ступени палаццо и постучал

в дверь.

Дверь бесшумно отворилась, выглянул слуга в малиновой куртке, расшитой шнуром, быстро огляделся и отступил, пропуская ночного гостя. Тот опустил в протянутую ладонь золотую монету и спросил коротко:

– Здесь?

– Так точно-с! В кабинете!

Гость вошел в палатцу, пересек сырой и холодный холл в осыпающихся росписях, поднялся по широкой лестнице на второй, жилой этаж. Впрочем, здесь тоже царило запустение – росписи стен выцвели и осыпались, ковры полуистлели, розоватые муранские стекла в окнах были почти непрозрачны от пыли и копоти.

Гость пересек несколько пустых комнат, подошел к очередной двери и распахнул ее.

Он оказался в богато обставленном кабинете.

В отличие от других помещений дворца здесь было чисто и почти уютно – если бы не сырой холод, с которым не мог сладить даже горящий в камине огонь. Холод был какой-то особенный, пронизывающий, какой бывает в кладбищенских склепах или мрачных подземных казематах старых тюрем.

По стенам кабинета стояли шкафы, заполненные старинными книгами и манускриптами, посреди красовался огромный глобус. В глубине находился массивный стол черного дерева, за которым сидел, склонившись, человек в черном камзоле и что-то писал

в толстой книге.

– Вот я и нашел тебя! – проговорил гость и вытащил из-под полы плаща массивный пистолет с инкрустированной серебром рукояткой и шестигранным стволом.

– Ах, это вы, мой друг! – Хозяин кабинета – мужчина лет сорока, с узким лицом, темными, глубоко посаженными глазами и длинными обвислыми усами, касавшимися кружевного воротника, отложил перо, поднял голову и улыбнулся – но улыбка эта больше напоминала волчий оскал.

– Я тебе не друг! – Гость шагнул вперед и навел на него пистолет. – Ты знаешь, зачем я пришел.

– Ах, ну конечно! Из-за того маленького недоразумения там, в Трансильвании...

– Маленького недоразумения? Так ты называешь смерть моей сестры? Смерть – которая была больше чем смерть, потому что ты погубил не только плоть, но и ее бессмертную душу!

– Ах, оставь, братец! Лючия сама выбрала такую судьбу...

– Сама? После того, что ты с ней сделал?

– Да, она сама ее выбрала! Она предпочла унылому прозябанию вечную молодость, вечную красоту! Предпочла удивительную жизнь, которую я ей подарил...

– Вечную жизнь? Или вечную смерть?

– То, что вы называете смертью, – это второе рождение, к новой, лучшей жизни!

– Да? Вы никогда не видите солнечного света!

– Подумаешь, потеря! Мы видим свет куда более красивый – свет далеких звезд, чарующий и манящий...

– Ты сам не веришь в свои слова! И не пытайся заговорить меня – это у тебя не выйдет!

– Ах, хватит уже! Ты мне надоел! Зачем пришел?

– Разве не ясно? Затем, чтобы остановить тебя! Затем, чтобы покончить с тобой раз и навсегда!

– Ну так делай, что собрался! – Хозяин кабинета снова хищно усмехнулся.

– Думаешь, у меня ничего не выйдет?

– Ты сам это знаешь. Я уже умер, и умер давно – а мертвого убить невозможно.

– Посмотрим! – Гость взвел курок, направил ствол в грудь вислоусого, нажал спусковой крючок.

Пистолет изрыгнул пламя, раздался оглушительный грохот, наполнивший всю комнату.

Однако рука стрелка немного дрогнула, и пуля попала не в сердце, а в плечо усатого. В его камзоле появилось круглое отверстие, из которого потекло что-то густое и черное.

Раненый вскрикнул, худое лицо перекошилось, он удивленно взглянул на свою рану, потом на мстителя.

– А ты хитер... что это была за пуля?

– Ага, тебя проняло... Я уже убедился, что обычные пули тебе не страшны, и поговорил со знающими людьми. Мой пистолет был заряжен пулей из серебряной амальгамы, которую муранские мастера используют для своих зеркал. Если такая пуля попадет

в твое сердце – ты умрешь, и умрешь уже навсегда!

Лицо вислоусого перекошилось от боли, однако он поднялся из-за стола и прохрипел:

– Ты сказал – если попадет... но твоя пуля не попала в сердце. Так что у тебя и на этот раз ничего не вышло. Пока ты будешь перезаряжать пистолет...

Несмотря на хвастливые нотки, голос злодея звучал сбивчиво, как будто ему с трудом давалось каждое слово.

– Первый раз я промахнулся, но не надейся, второй раз я буду стрелять точнее...

Человек в маске отбросил пистолет – и вытащил из-под плаща второй.

– Вот как... ты и вправду все предусмотрел.

– Все! – Мститель поднял руку с пистолетом и направил ее в грудь усатому.

– Ты умрешь, Влад Цепеш, и умрешь навсегда!

Но усатый собрался с силами, метнулся в сторону, пересек кабинет и распахнул маленькую дверцу возле камина.

Мститель бросился за ним и оказался в крохотном помещении без окон, со сводчатым потолком.

– Где же ты? – Он взгляделся в темноту. – Вздумал поиграть со мной в прятки? Не надейся, из этого ничего не выйдет!

Глаза его постепенно привыкли к скудному освещению, но в комнате никого не было, Влад Цепеш словно сквозь землю провалился.

– Мерзкий упырь! На этот раз ты не сбежишь от

меня! – Мститель обошел комнату, заглядывая во все углы. Он даже отодвинул от стены тяжелый сундук, поднял его крышку и заглянул внутрь – но врага нигде не было.

Он в растерянности остановился посреди комнаты и еще раз огляделся. Внезапно у него за спиной раздался шелестящий, вкрадчивый шепот, похожий на шорох осенних листьев:

– Ищи, ищи лучше! Я здесь!

Мститель резко развернулся, вскинул пистолет.

За спиной никого не было. Только зеркало висело на стене. Большое овальное зеркало в резной черной раме – черные ветви сплетались в удивительный узор, черные листья, казалось, трепетали под дыханием неощутимого ветерка.

Мститель подошел к зеркалу, заглянул в него и увидел свое собственное лицо – а что же еще можно увидеть в зеркале?

Но вокруг лица клубилась багровая, живая тьма, в которой то и дело мелькали какие-то другие лица – мужские и женские, они показывались на мгновение и тут же исчезали, растворяясь в клубящейся тьме. Он увидел – или это ему только показалось? – старого барона фон Ауэ, страшная смерть которого потрясла всю страну... и бесследно исчезнувшую посреди бала госпожу Эстергази... и еще десятки лиц, знакомых и незнакомых... а потом... потом он увидел Лючию... лицо ее мелькнуло на мгновение и тут же исчезло...

Вдруг лицо самого мстителя в зеркале стало

неуловимо меняться. Щеки втянулись и побледнели, глаза сошлись ближе и потемнели, в них появилось злобное выражение, волосы удлинились, а над верхней губой появились обвислые усы...

Мститель в ужасе попятился.

Из зеркала на него смотрело чужое, ненавистное лицо – лицо его злейшего врага, Влада Цепеша, которого подданные за глаза называли Дракулой.

Надежда Николаевна в очередной раз свернула по извилистой кладбищенской дорожке, обошла печального мраморного ангела с опущенным факелом в руке, миновала покосившийся каменный крест, на котором были выбиты давние даты чьей-то жизни, и прибавила шагу. Ей было неудобно и, как ни стыдно в этом признаваться самой себе, даже страшновато на безлюдном кладбище. Не оставляло чувство, что кто-то, пристально и недобро глядя ей в спину, крадется среди заброшенных могил. Скорее бы уже выйти с этого кладбища, оказаться на людях...

Надежда загляделась на очередную старую могилу, а точнее на возвышавшийся на ней памятник, споткнулась и заметила, что на левой кроссовке развязался шнурок. Чертыхнувшись, она опустилась на колено, завязала злополучный шнурок и хотела уже подняться... но тут увидела мужчину с мобильным телефоном в руке, который стоял неподалеку, за кустом боярышника, возле одной из могил.

И она его узнала. Это был мужчина из семейной пары, ко-

тору Надежда приняла за Муськиных знакомых.

Здесь, пожалуй, следует сделать отступление и объяснить, кто такая Надежда Николаевна, как она оказалась среди белого дня на полузаброшенном кладбище и что ее связывает с некой Муськой.

Надежда Николаевна Лебедева – интеллигентная женщина, скажем так, среднего возраста – значительную часть своей жизни проработала в научно-исследовательском институте, но вдруг оказалась домашней хозяйкой. Вернее, слово «вдруг» в данном случае не совсем уместно, поскольку институт довольно долгое время еле-еле держался на плаву, пока наконец не случилась катастрофа. Директора НИИ ушли на пенсию, и на его место явился новый руководитель, молодой и энергичный, который начал свою деятельность с того, что уволил едва не половину сотрудников. Прежде всего он избавился от лентяев и неумех, так что оставшиеся сотрудники его одобрили. Но оказалось, что они рано радовались, потому что следом отправились и остальные. В общем, такая тягомотина тянулась года полтора, в результате чего от сотрудников института осталась одна четверть, а отдел, в котором Надежда Николаевна проработала больше двадцати лет, полностью сократили. Нельзя сказать, что Надежда сильно расстроилась, как уже говорилось, дело к тому давно шло. А вот ее муж, Сан Саныч, просто до неприличия обрадовался. Он сам много работал, был очень занят, поэтому только приветствовал, что теперь дома его будут ждать довольная,

ухоженная жена и вкусный ужин.

Надежда даже обиделась – выходит, она раньше вообще, что ли, не готовила? Но потом согласилась, что ее долг – заботиться о муже, к тому же у нее будет больше свободного времени, которое можно потратить на себя, любимую. И то сказать, дочка Надежды с мужем и внучкой уже давно жили в далеком северном городе, приезжали в Петербург редко и вообще управлялись со всем самостоятельно.

Поэтому Надежда Николаевна смело и радостно вступила в новую жизнь, но радость померкла через пару недель. Оказалось, что ей совершенно неинтересен образ жизни обеспеченных, ничем не занятых женщин. Нет, разумеется, раз в месяц Надежда посещала салон красоты, записалась в бассейн, но вот дальше... Визиты в косметологические клиники и фитнес-центры как-то не слишком ее привлекали. Ну вот такой уж она человек. Конечно, можно было записаться в какой-нибудь клуб по интересам, тем более что в Интернете имелось много объявлений. Но опять-таки не любила Надежда Николаевна вышивать крестиком, вязать, шить лоскутные одеяла и ходить в пешие походы. Кроме того, она привыкла, что голова должна быть всегда занята, причем не мыслями, что приготовить мужу на обед, а чем-то посерьезнее.

Однако самое неприятное заключалось в том, что у всех ее друзей и знакомых тут же нашлась для Надежды куча разнообразных дел и поручений. Просьбы шли под девизом: «Ты

все равно дома сидишь, так...» Короче, свободного времени стало еще меньше, забот больше, и иными днями она уставала к вечеру хуже, чем на работе, а удовлетворения никакого.

Со временем как-то все устаканилось, утряслось, тем более что у Надежды Николаевны появилось весьма специфическое хобби. Но о нем позже.

В конце августа у Надежды образовалось действительно свободное время, поскольку они с мужем собирались провести недельку на даче, но его неожиданно (как и всегда, впрочем) выдернули в командировку. Надежда, разумеется, была недовольна, но делать нечего. Так что она осталась как бы в вакууме, поскольку заранее предупредила всех знакомых, что уезжает.

Собственно говоря, она могла бы уехать на дачу к матери, чтобы помочь там по хозяйству. Мать у Надежды была хоть и немолода, но бодра духом и относительно крепка телом, а самое главное – ужасно упряма. Она ни за что не хотела сокращать посадки в огороде, да и в саду к осени было работы полно. К тому же еще один член семьи (главный и самый любимый Сан Санычем, как в сердцах говорила иногда Надежда) рыжий пушистый котяра Бейсик в это время находился на даче, и муж, уезжая, взял с Надежды слово, что она тотчас его навестит.

В общем, Надежда Николаевна так и собиралась сделать, но тут возникла одна большая, можно даже сказать, огромная проблема. Как уже говорилось, мать у Надежды была

женщиной самостоятельной и на все имела свое собственное мнение. Так, она не то чтобы не доверяла врачам, но в районную поликлинику почему зря ходить не любила. Но и будучи женщиной грамотной, с высшим образованием, не слишком доверяла всяким новомодным биологическим добавкам и различным сомнительным устройствам, которые упорно рекламируют в Интернете. Пользовалась она проверенными временем народными средствами: малиновое варенье – при простуде, тысячелистник – чтобы кровь на царапине остановить, черника сушеная – от расстройства желудка, и так далее.

Однако была у нее, как сейчас выражаются, одна фишка. Прибор «Биофон», разработанный серьезным научным объединением и испускавший какие-то особенные электромагнитные волны, которые, как считала мать, помогают если не от всех существующих болезней, то от многих. Приобрела она его давно, еще в советские времена, и свято уверовала в то, что было написано в сопроводительной листовке. А там чего только не было! Так что Надежда в свое время тут же усомнилась в чудодейственной силе прибора и имела глупость намекнуть об этом матери, после чего выслушала ее гневный монолог и решила, что скоро мать и сама разочаруется в приборе. Но не получилось: мать утверждала, что «Биофон» помогает ей от болей в спине, суставах и еще много от чего.

В конце концов Сан Саныч, вспомнив про эффект плаце-

бо, посоветовал Надежде оставить эту тему.

Так или иначе, злополучный «Биофон» исправно нес свою службу, мать берегла его и сокрушалась, что, если драгоценное устройство, не дай бог, сломается, заменить его будет нечем – завод, который выпускал эти приборы, давно закрылся. Незачем говорить, что свой незаменимый прибор она никому не давала и лишь однажды отступила от своих правил, дав попользоваться «Биофоном» матери Муськи Васильковой.

Все эти мысли пронесли в голове Надежды Николаевны за те полминуты, пока она завязывала шнурок на кроссовке. Но на Муське Васильковой мысли остановились, потому что Муська была такой личностью, что слов не хватит ее описать, так что Надежда только заскрипела зубами.

Итак, Надежда Николаевна опустила на колено, завязала шнурок и хотела было выпрямиться, но тут заметила мужчину, которого приняла за Муськиного знакомого, а вернее, его жену. А может, и не жену вовсе... Впрочем, да какое ей до них дело!

Но все равно Надежде было ужасно неудобно: если он заметит ее, не дай бог, подумает, что она за ним следила или еще что-нибудь! В прошлый раз вон как нахамил. И вообще, они с женой показались Надежде очень странными...

Так или иначе, Надежда застыла в крайне неудобном положении, на одном колене, и постаралась не шуметь, надеясь, что мужчина скоро уйдет. А он тем временем разговари-

вал по телефону. Надежда не собиралась подслушивать чужой разговор, но это получилось нечаянно, само собой.

– Да... – голос мужчины был напряженный, взволнованный, беспокойный. – Да, конечно... можете не сомневаться, я сделал все, как мы договаривались... да, в точности как вы хотели... и непременно доведу до конца... конечно... и это тоже... само собой... я же сказал, можете не сомневаться...

Он еще немного послушал невидимого собеседника, а потом махнул рукой, резко развернулся и зашагал прочь.

Надежда немного подождала, выпрямилась и, переведя дыхание, пошла в прежнем направлении.

Проходя мимо старой, заброшенной могилы, она услышала характерный звук – негромкий сигнал, который издает мобильный телефон, когда на него поступает сообщение. Надежда Николаевна опустила глаза и увидела на надгробной плите то, чего там не должно быть, а именно новенький мобильный телефон, экран которого светился.

Надежда остановилась, огляделась. Откуда здесь взялся этот телефон? Кто-то его забыл? И тут до нее дошло, что именно возле этой могилы только что стоял тот мужчина и разговаривал по мобильнику. Выходит, это он уронил телефон...

Надежда представила, сколько хлопот и сложностей связано с потерей телефона. В нем наверняка хранится много важной информации – телефонные номера, личные данные, приложения... нет, нужно догнать того человека и от-

дать ему телефон!

Фигура мужчины еще виднелась далеко впереди, среди кустов и надгробий.

Надежда забыла, как только что пряталась от этого человека, замахала руками и крикнула:

– Мужчина! Пойдите! Вы телефон потеряли!

Однако тот был слишком далеко и не слышал ее.

Надежда устремилась вслед, не сомневаясь, что без проблем его нагонит, и очень скоро увидела впереди кладбищенскую ограду с проделанной в ней дырой, через которую виднелась пустынная улица. Совсем близко по другую сторону ограды стоял тот самый мужчина – видимо, ждал такси или маршрутку. Во всяком случае, он оглядывал улицу с характерным выражением напряженного, нетерпеливого ожидания, а потом взглянул на часы.

Надежда не стала окликать мужчину издали, надеясь, что успеет подойти к нему. Но вдруг из-за угла вывернула черная машина, стремительно подкатила к мужчине и резко затормозила. Он шагнул было к ней, но вдруг отчего-то попятился и бросился прочь, однако не успел сделать и двух шагов, как дверцы машины распахнулись, из нее выскочили два человека, схватили мужчину за руки и втащили в салон.

Вся эта сцена заняла не больше нескольких секунд.

Надежда не успела ни пикнуть, ни вздохнуть, она только стояла в растерянности за кованой кладбищенской оградой и смотрела вслед исчезающей машине.

Какое-то время Надежда Николаевна вообще не могла поверить, что такое произошло на самом деле: только что, среди белого дня, прямо у нее на глазах похитили человека. А в том, что это было похищение, она не сомневалась. Тот мужчина явно не хотел садиться в машину, он попытался убежать, но из этого ничего не вышло.

Осознав, что мужчину и правда похитили, Надежда стала думать, что она может сделать. По всему выходило, что ничего.

Машина похитителей умчалась в неизвестном направлении, полиции поблизости не наблюдалось... Конечно, можно было позвонить по известному всем номеру, но вряд ли там всерьез приняли бы сообщение Надежды. Скорее, подумали бы, что у дамы не все в порядке с головой. Сегодня и многие уже так посчитали, когда она разговаривала сама с собой и приставала к незнакомым людям.

После непродолжительного, но напряженного раздумья Надежда Николаевна поняла, что сегодняшней поход просто обязан был закончиться подобной неприятностью, поскольку идея исходила от Муськи Васильковой.

Муська Василькова была кошмаром Надеждиной жизни, и начался этот кошмар давным-давно, когда они жили в одном дворе. Надина и Муськина мамы дружили по-соседски и даже умудрились родить дочек в один день, так что их об-

щение началось с гуляния в колясках, потом в детском саду, но в школу вместе девочки не пошли, потому что родители Надежды переехали. И хорошо, так как сидеть с Муськой за одной партой была бы мука мученическая. Дело в том, что Муська была фантастически глупа. Когда при рождении раздавали красоту и хороший характер, Муська всего получила достаточно, а вот ума и хоть каких-нибудь способностей ей не досталось. Очевидно, там, наверху, посчитали, что и этого хватит, чтобы благополучно прожить жизнь.

Школу Муська все же закончила, потому что учителя относились к ней неплохо из-за покладистого характера, и почти сразу выскочила замуж. Родила дочку, но муж продержался лет пять, потом сказал, что больше не может ее терпеть и ушел. Однако денег давал вполне достаточно, так что Муська работала от случая к случаю – то приемщицей в химчистке, то кассиршей в кинотеатре, то регистратором в районной поликлинике.

Поначалу ее всюду брали охотно, привлеченные симпатичной внешностью (натуральная блондинка с голубыми глазами, приятной улыбкой и переливчатым смехом), но надолго она нигде не задерживалась. Больше двух месяцев Муська продержалась только в регистратуре, и то ей пришлось уволиться после того, как она послала больного вместо окулиста к гинекологу. Муська непрерывно путала документы и квитанции, неправильно писала фамилии и даты, и за кассой не проторговалась только потому, что кинотеатр

был небольшой и заштатный и вскоре вообще благополучно закрылся.

Незаметно подросла дочка и, слава богу, пошла не в мать: закончила школу, потом институт, не с первого раза, но устроилась на хорошо оплачиваемую работу, а потом и вышла замуж за владельца фирмы. Зять Муську раскусил сразу же, поэтому, не тратя времени даром, купил ей небольшую квартиру подальше от своей и выделил приличное содержание. Работать Муське не было нужды, поэтому она порывалась сидеть с внуками, но дочка была начеку и сразу же эти порывы пресекала. И Надежда очень ее понимала: доверить ребенка Муське ни одна мамаша в здравом уме не решится.

Поэтому Муська со страстью окунулась во всякие сомнительные мероприятия: посещала курсы самопознания, проверяла на себе всевозможные способы очищения и оздоровления организма, ходила на семинары разных коучей и так далее. Пробовала она приобщить к этому делу и Надежду, когда узнала, что та оставила работу, но из этого ничего не вышло. А с тех пор, как в прошлом году та же Муська Василькова исключительно по глупости втянула Надежду в опасную криминальную историю, Надежда дала себе слово держаться от этой гусыни подальше.

И надо же было такому случиться, что Надеждина мать изменила своему правилу и отдала ненаглядный «Биофон»... нет, не Муське, такого бы она уж точно никогда не сделала. Мать дала попользоваться бесценным прибором Муськиной

мамаше Анне Петровне, с которой приятельствовала до сих пор. Анна Петровна пожаловалась на боли в плече – и вот, Надежде же пришлось везти ей этот чертов «Биофон».

В отличие от Муськи ее мать была женщиной вполне адекватной, так что ничто, как говорится, не предвещало грядущих неприятностей. Но они грянули, потому что Анна Петровна получила телеграмму о тяжелой болезни двоюродной сестры и тут же сорвалась к ней в Ростов-на-Дону. К счастью, все обошлось и сестру удачно прооперировали, но Анне Петровне пришлось с ней остаться на все лето, пока окрепнет.

Мать Надежды хватилась своего «Биофона» и потребовала, чтобы Надежда срочно его привезла. Сколько времени ушло на то, чтобы заставить Муську съездить на квартиру матери и найти прибор, Надежда Николаевна уже сбилась со счета. И вот наконец Муська радостно сообщила, что злополучный «Биофон» у нее.

Надежда удостоверилась, что это именно та коробочка, что Муська не прихватила вместо «Биофона» электрическую мясорубку или инфракрасную сушилку для ботинок, и малость расслабилась. Теперь оставалось только встретиться с Муськой, чтобы получить желаемое. Сейчас Надежда не могла себе простить, что не сорвалась с места тотчас после Муськиного звонка и не полетела к ней на такси, чтобы немедленно забрать этот треклятый прибор.

Муська, конечно, тут же умотала на какие-то очередные занятия, потом Надежда уехала на дачу, потом она провожа-

ла мужа в командировку, а потом Муська вообще перестала отвечать на звонки и сообщения.

А мать звонила и жаловалась на боли в спине и на то, что у нее такая равнодушная и невнимательная дочь. В общем, на дачу без «Биофона» нечего было и соваться.

И вот буквально вчера Муська позвонила сама.

– Ну наконец-то! – обрадовалась Надежда. – Где тебя носило?

– Ой, Надя, долго рассказывать! – захлебывалась Муська. – Ты не поверишь!

– Тогда не надо! – предупредила Надежда. – Значит, жди, я к тебе сейчас приеду. Можешь чайник поставить.

– Ой, нет...

Далее выяснилось, что Муська в эту минуту находится на занятиях по управлению сновидениями и дома будет поздно.

– Но на завтра, Надя, у меня для тебя потрясающее предложение! – прокричала Муська.

– Может, не надо... – заныла Надежда, – ты же знаешь, что я не очень...

– Нет, ты слушай! Значит, завтра мы с тобой пойдем на подпольную экскурсию!

– Чего? По подвалам, что ли, шляться? Там крысы...

– При чем тут крысы! – возмутилась Муська. – Никаких крыс там нет. И это вовсе не подвалы.

– Тогда говори толком!

Далее выяснилось, что Муська записалась на неофициаль-

ную экскурсию в особняк купцов Клюквиных.

– Очень красивый дом! – стрекотала она. – Снаружи, конечно, выглядит как развалина, но внутри много всего сохранилось. Расписные патефоны...

– Что?

– Ах нет, не патефоны, а эти... плафоны. И резные двери, и такие люстры – закачаешься!

– А ты откуда знаешь?

– А мне одна знакомая про этот особняк рассказывала и фотки замечательные показала! В самом деле, Надежда, ты меня вечно упрекаешь, что я легкомысленная и ничем не интересуюсь, а когда представилась возможность повысить свой культурный уровень – так ты сразу в кусты!

Ответить на такое заявление Надежде было нечего, так что она неохотно согласилась пойти на экскурсию в особняк купцов Клюквиных, черт бы побрал их совсем. И заодно Муську с ее глупостью и безалаберностью.

И ведь знала же, что с Муськой связываться никак нельзя, все рано или поздно пойдет наперекосяк! Но выхода не было, нужно же получить этот проклятый «Биофон» и отвезти его матери.

– Значит, запоминай: завтра, в десять тридцать у метро «Василеостровская» будет стоять микроавтобус с надписью: «Экскурсия». Ты подойдешь к этому автобусу и спросишь: «В особняк Черникиных?» Тьфу, не Черникиных, а Клюквиных! Они скажут: «Да» – и проверят твою фамилию по

списку. Только кричать об этом не нужно, тихонько говори, чтобы посторонние не слышали.

– Почему такая секретность? – удивилась Надежда, которой все Муськины наставления напомнили походы за каким-нибудь дефицитом в советское время. Приходишь в магазин со служебного входа, стучишь условленным стуком и говоришь, что ты, к примеру, от Марии Ивановны. Или от Зои Павловны.

– Надежда, я на тебя просто удивляюсь! – бодро тарыхтела Муська. – Ведь сказала же тебе, что особняк этот для посетителей официально закрыт. И непонятно, кто хозяин. Так что экскурсии проводятся тайно. В частном порядке.

– А кому деньги идут? – спросила Надежда.

– Да там и деньги-то небольшие, вроде сто рублей всего. Или двести, на месте выясним. В общем, встречаемся в этом самом микроавтобусе в десять тридцать!

– «Биофон» только не забудь! – крикнула Надежда, но Муська уже отключилась.

Надежда Николаевна дала себе слово, что непременно позвонит ей завтра утром и напомнит про экскурсию, но утром она проспала, потом позвонил муж и поинтересовался здоровьем кота, так что Надежда долго юлила и оправдывалась, что не навестила животное. «А вдруг ему там плохо? А вдруг у него депрессия?» После этих слов муж повесил трубку, а Надежда подумала, что коту на природе как раз очень хорошо, а вот ей плохо: мечется между двух огней, матери го-

ворит одно, мужу – другое... Тут она посмотрела на часы, поняла, что опаздывает, и заметалась по квартире, собираясь.

В метро она пыталась позвонить Муське, но связи не было. Разволноваться по этому поводу Надежда не успела.

На небольшой площади перед метро «Василеостровская» было, как всегда, много народу. Играла музыка, золотились на солнце кони на памятнике конке, за ними под яркими зонтиками находилось уличное кафе.

Надежда прошла мимо, перешла проспект и увидела небольшой микроавтобус, на лобовом стекле которого от руки было написано: «Экскурсия».

– Это в особняк Клюквиных? – спросила Надежда, робко потоптавшись рядом.

– Ага, – оживился незаметный дядечка с аккуратной лысиной, но с пышной седоватой бородой. – Ваша как фамилия?

Он раскрыл пухлый растрепанный блокнот и стал перелистывать страницы, слюнявя палец.

– Ага, сегодня у нас...

– Девятнадцатое августа, – подсказала Надежда.

– Уже? Надо же, как время летит... – удивился дядечка. –

Не успеешь глазом моргнуть...

– Особенно летом, – сказала Надежда Николаевна, чтобы поддержать беседу.

– Так... вот она Лебедева... есть такая... с вас двести рублей за экскурсию.

Надежда хотела спросить, есть ли в списке Василькова и заодно уж заплатить за нее, но тут в автобус ввалилась компания молодежи, сразу стало шумно и тесно, так что она прошла внутрь и села у окна, пока там было свободно.

Часы показывали двадцать минут одиннадцатого, то есть до назначенного времени оставалось десять минут. Муська, конечно, опоздает (она всегда опаздывала), но эти уж подождут сколько-нибудь, ведь не самолет и не скорый поезд.

На всякий случай Надежда еще раз позвонила Муське. И снова механический голос ответил ей, что телефон находится вне зоны доступа. Ясно: едет в метро.

Пару лет назад Муська захотела водить машину, записалась на курсы вождения и даже закончила их. Уж каким образом она сдала на права, никто так и не узнал, скорее всего, инструкторам просто надоело ее учить и они взяли грех на душу, выдав ей права в надежде, что все само собой как-нибудь образуется.

Дальновидный Муськин зять не стал покупать ей новую машину, а раздобыл где-то старые, выдавшие виды «жигули». И, как оказалось, правильно поступил, потому что первое, что Муська сделала в качестве водителя, – это смачно поцеловалась с березой, которая росла при выезде с их двора. Муська не пострадала, машину отправили на свалку, береза же не стала требовать возмещения ущерба, справилась

сама. Зять раздобыл Муське подержанную иномарку. И через пару дней она с удивительной ловкостью разбила сразу две припаркованные машины и свою впридачу. Опять-таки сама не пострадала, но зять не успел иномарку застраховать, так что после выплаты внушительной суммы хозяевам припаркованных автомобилей сказал твердое «нет». Правда, и Муська к тому времени к идее вождения охладела, так что теперь ездила на общественном транспорте или на такси.

Прошло еще десять минут. За это время в автобусе утвердились две бодрые старушечки: одна – в лихо заломленной джинсовой панаме, вторая – в ярко-красной бейсболке и майке, на которой был нарисован череп и красовалась надпись: «Бедный Йорик».

Надежда снова позвонила Муське, и опять безрезультатно. В автобус влез полный одышливый дядька и плюхнулся напротив Надежды, причем один занял все двухместное сиденье. Отер лоб несвежим платком, чихнул и, оглядевшись, спросил басом:

– А чего стоим?

– Вас ждали! – охотно откликнулся экскурсовод.

– Ну, так я сел, значит, можно ехать, – сказал дядька и игриво подмигнул Надежде.

Экскурсовод, однако, этого мигания не заметил и ответил весьма серьезно:

– А других ждать не надо? Вот, значит, как вы к людям относитесь!

Вошли еще двое: молодая женщина самого скромного вида и с ней худенький задумчивый мальчик лет двенадцати в круглых очках, как у Гарри Поттера.

Надежда оглядела салон. Микроавтобус маленький, в каждом ряду по три двухместных сиденья, итого можно разместить двенадцать пассажиров. Еще рядом с водителем было место, но туда, наверное, должен был сесть экскурсовод.

Итак: в одном ряду две старухи, мама с сыном и дядька, один занимающий два сиденья. Дальше трое молодых: парни волосатые, один с хвостом, другой косматый, как Тарзан, а девчонка, наоборот, стриженная очень коротко, так что кожа на голове была видна. Надежда сзади, и еще два места свободны.

Значит, не одна Муська опаздывала, и это радовало: двоих, наверное, подождут.

– Ждем пять минут! – объявил экскурсовод. – Больше не можем, там к сроку назначено.

Надежда снова и снова пыталась дозвониться до Муськи. Теперь просто никто не отвечал. И вот когда она уже отчаялась и встала, чтобы выйти из автобуса, к дверям подскочили двое. Судя по всему, семейная пара средних лет. Одеты они были в одинаковые куртки – серые флиски с капюшонами, и кроссовки тоже одной фирмы.

– Опаздываете, – укоризненно сказал им экскурсовод. – Николай, поехали!

– Подождите! – крикнула Надежда. – Как же...

И тут телефон наконец ответил.

– Муська! – заорала Надежда страшным голосом. – Где тебя носит? Ты же не успеешь!

– Ой, Надя! – Муська, как всегда, запыхалась. – Все изменилось! Представляешь, мне предложили потрясающую вещь! Курс психологической адаптации через общение с дельфинами!

– Чего? – обалдела Надежда.

– Это такая вещь, такая вещь... после этой адаптации станешь буквально другим человеком! Представляешь, все твои проблемы улетучатся сами собой, потому что дельфины... они как бы поглощают все мысли и голова становится такой легкой...

Надежда невольно подумала, что у Муськи голова и так слишком легкая и мыслей в ней немного, так что если дельфины поглотят и их, то... Но тут она вспомнила про «Биофон».

– Муся, ты соображаешь, что делаешь? Ты же должна была мне принести...

– Да ты не волнуйся, Надя, я все устроила, я договори-лась! – перебила ее Муська. – На экскурсию вместо меня поедет очень приятная пара, я им твой прибор передала. Ее зовут Ирина, а его... ну неважно, все равно прибор у нее. Так что все в порядке, а я уж, извини, буду неделю недоступна. Дельфины не любят, когда в их присутствии пользуются мо-

бильным телефоном!

– Черт знает что! – Надежда едва не бросила трубку и тут осознала, что автобус уже давно едет по Большому проспекту.

– Дама, сядьте же, наконец, на место! – раздраженно сказала старуха в джинсовой панаме. – И не кричите так, слушать мешаете! Вы же здесь не одна!

И что было делать? Не орать же, чтобы немедленно остановились: кто ее послушает. Надежда села и огляделась. Семейная пара села впереди, а один из парней пересел к Надежде. Так что поговорить с женщиной можно будет только на остановке. Что ж, видно, придется ехать на экскурсию. К тому же и деньги заплачены.

Ехали недолго, минут двадцать, а может, Надежде показалось, потому что она по сторонам не смотрела, а злилась на Муську. Что, в общем-то, было делом бесполезным, потому что с самого начала были у Надежды подозрения, что и на этот раз Муська подведет.

«Вот если бы не “Биофон” этот проклятый, и двух слов с ней ни за что не сказала бы! – подумала Надежда. – И номер ее в черный список занесла бы!»

Тут парень, что сидел рядом, фыркнул, и Надежда поняла, что произнесла эти слова вслух.

– Приятно поговорить с умным человеком! – сказал парень, и у Надежды хватило выдержки не послать его куда подальше.

– Вроде того, – вздохнула она, и парень отстал.

– Приехали! – сказал в это время экскурсовод, и Надежда заторопилась к выходу.

Здание действительно выглядело запущенным. Штука-турка облупилась, и непонятно было даже, какого цвета дом был раньше. Правда, стекла в окнах красивой формы сохранились. Да и в самом здании, в его пропорциях чувствовалось благородство, как в состарившемся, но все еще импозантном аристократе.

Экскурсанты прошли по узкой дорожке, которая когда-то была выложена разноцветной плиткой, теперь же плитка кое-где отсутствовала, а из ям и щелей активно перли сорняки.

Портал был бы хорош, если бы не был так запущен и одна колонна не треснула. Экскурсовод, однако, повел их мимо резной, проеденной жучками двери, обходя дом слева.

– Осторожно под балконом идите, он может рухнуть.

Надежда задрала голову и увидела балкон, который с трудом поддерживали две потрескавшиеся кариатиды.

– Хоть бы каски выдавали... – сострил парень с хвостом.

Экскурсовод сделал вид, что не расслышал его, поспешил вперед и остановился перед небольшой дверью, удачно спрятанной за разросшимися кустами.

На двери висел большой амбарный замок.

– Заперто! – удивленно проговорила старуха в джинсовой панаме.

– Не переживайте, дама! Это – бутафория, чтобы посторонние сюда не лазили!

С этими словами экскурсовод жестом циркового фокусника снял замок и стукнул в дверь кулаком, воскликнув:

– Лексеич, открывай!

Никто не отозвался, и тогда Надежда Николаевна, пользуясь короткой передышкой, подошла к женщине, чей муж отвлекся на телефонный разговор в стороне от группы.

– Простите... – она деликатно тронула женщину за рукав, – вы ведь Ирина?

– Нет... – женщина посмотрела на нее с удивлением. – С чего вы взяли? Я вовсе не Ирина.

– Но как же... – растерялась было Надежда, но тут же сообразила, что эта дуреха Муська небось перепутала имя этой женщины и наврала, что хорошо знает эту семейную пару. Наверняка попросила передать «Биофон» едва знакомых людей, с нее и не такое станется.

– Извините! – она доброжелательно улыбнулась. – Понимаете, я Надежда, Муська, как всегда, все перепутала, и...

Тут за спиной у нее раздался мужской голос:

– Надя! Надежда!

Надежда Николаевна вздрогнула и обернулась: кто это ее окликнул? Вроде здесь нет знакомых.

Но оказалось, что это муж ее собеседницы, и обращался он именно к ней:

– Надя, ты не знаешь, где мои очки?

Выходит, эта женщина вовсе не Ирина, а ее, Надеждина, тетка. Как неудобно получилось...

Надежда растерялась и отступила, и в это самое время дверь особняка наконец открылась и на пороге появился нынешний обитатель дома – немолодой, сильно запущенный мужичок, давно не бритый и не стриженный, в очках, оправа которых была сломана и замотана синей изоляционной лентой.

– А... – сказал он, – приехали... Давайте быстрее, а то у меня через час киношники приедут.

– Алексеич, так дела не делаются! – бурно запротестовал экскурсовод. – Я с людей деньги взял за полноценную экскурсию, два часа сорок минут по программе!

– Да ладно, не бери в голову, они все равно опоздают... они всегда опаздывают... а вы время не тратьте, идите уж... – сторож махнул рукой, приглашая всех войти внутрь.

Вся группа дружно двинулась в особняк Клюквиных, и Надежда Николаевна вместе со всеми.

«Ладно, – подумала она, – улучу более удобный момент и переговорю с этой женщиной...»

Они прошли по короткому полутемному коридору и оказались в просторном холле. Пол здесь был выложен мраморными плитами, в глубине виднелась широкая мраморная же лестница, по сторонам которой стояли две огромные грозные фигуры из черного гранита. Казалось, эти гранитные гиганты стерегут вход наверх, оберегая покой особняка от по-

сторонних.

Группа рассредоточилась между этими фигурами, ожидая пояснений экскурсовода. Надежда решила воспользоваться этой паузой, пробралась поближе к тезке и проговорила вполголоса:

– Извините, видимо, Муся все перепутала. Она сказала, что вы Ирина, а вы, оказывается, Надежда... я, кстати, тоже Надежда, так что мы тезки...

– Рада за вас, – усмехнулась женщина, – но что конкретно вы от меня-то хотите?

– Муся вам для меня ничего не передавала? – спросила Надежда, в глубине души зная ответ.

– Знать не знаю никакой Муси! Первый раз слышу! – женщина пожала плечами.

– Понимаете...

И тут рядом с ней послышался недовольный голос:

– Женщина, вы обязательно должны сейчас разговаривать? Мы вообще-то сюда на экскурсию пришли, а не вас слушать! Опять вы всем мешаете! Бывают же такие люди!

Надежда обернулась и увидела, что это та же самая старуха в джинсовой панаме, которая отчитывала ее в автобусе.

Экскурсовод начал рассказ:

– Вы видите перед собой две египетские статуи, которые Николай Клюквин приобрел на художественном аукционе в Германии. Эти статуи относятся к эпохе Среднего царства...

– Среднего... – разочарованно протянул молодой парень.

– Среднее не по художественной и исторической ценности! – возмущенно проговорил экскурсовод. – Среднее по времени происхождения, то есть этим статуям не меньше трех тысяч лет! Когда они были созданы, еще не был заложен Древний Рим! На месте Капитолия и форума еще паслись олени и охотились волки!

– Круто! – присвистнул парень.

Надежда подозрительно взглянула на него. Видно было, что он прикалывается, подшучивает над экскурсоводом. Зачем тогда пошел на эту экскурсию?

Впрочем, у нее была другая цель: ей нужно было переговорить со своей тезкой и забрать злосчастный «Биофон». Хотя что-то подсказывало Надежде, что и тут Муська ее обманула. Не было у этой женщины никакого прибора, рюкзачок-то за спиной маленький совсем, туда коробка не влезет. «Ох, Муська!» – Надежда заскрипела зубами.

Тем временем экскурсовод пошел вверх по лестнице, и вся группа устремила за ним. Супружеская пара оказалась в первых рядах, их разделяло несколько человек, и в их числе – старуха в панаме, которая то и дело бросала на Надежду неприязненные взгляды. Надежда Николаевна на всякий случай лучезарно ей улыбнулась и двинулась вперед.

Группа поднялась на второй этаж и вошла в длинный светлый зал, стены которого были отделаны очень красивыми резными панелями. Экскурсовод что-то рассказывал о них,

но Надежда слушала его невнимательно, пытаясь ненавязчиво протиснуться к своей теще и ее мужу.

– А теперь поднимите голову и посмотрите наверх! – громко произнес экскурсовод.

Надежда невольно подчинилась, запрокинула голову и... пришла в восторг от увиденного – в зале хорошо сохранилась роспись потолка, на котором были изображены пышные облака, освещенные закатным солнцем, а на них в свободных позах расселись греческие боги и богини. И до чего хорошо они были выписаны! И как хорошо сохранились! Можно было различить каждую складку их хитонов, нежный румянец на лицах богинь...

Надежда залюбовалась этим плафоном, вспомнив строчку из известного стихотворения: «Из-за облака сирена ножку выставила вниз...»

Внезапно Надежда Николаевна осознала, что находится в зале совершенно одна: пока она любовалась плафоном, экскурсовод куда-то увел свое послушное стадо. Надежда бросилась вперед, ей совсем не улыбалось заблудиться в этом особняке!

Из зала выходили две двери, и она наугад выбрала левую, из-за которой доносились приглушенные голоса.

За этой дверью оказался короткий коридор, заканчивающийся еще одной дверью. Надежда прошла по нему, приоткрыла дверь и увидела большую комнату, в которой разговаривали двое парней и коротко стриженная девушка.

– Это крыло нам не подходит, – говорил тот, что с хвостом, – здесь уже все обыскали...

– Но теперь у нас есть план! – возражала ему девица. – С планом – это совсем другое дело!

– Ладно, посмотрим еще в этом крыле, – проговорил второй парень. – Вернемся сюда позднее... – Тут он, видимо, услышал шаги Надежды и завертел головой: – Кто здесь?

Надежде стало неловко – еще подумают, будто она подслушивает, и она крадучись вернулась в зал с плафоном и прошла в другую дверь.

Здесь Надежда Николаевна действительно нашла всю группу, которая сгрудилась вокруг экскурсовода.

– После революции последний из семьи Клюквиных стал так называемым красным директором... но с ним тоже произошла таинственная история: он исчез, пропал прямо у себя в кабинете...

Надежда постаралась подойти ближе к интересующей ее женщине.

А экскурсовод тем временем продолжал:

– Из-за всех этих исчезновений у особняка купцов Клюквиных и особенно у директорского кабинета возникла дурная слава. Впрочем, большинство мнений сходилось на том, что причиной исчезновений был не сам особняк, а старинное венецианское зеркало, которое незадолго до революции привез из Италии последний из семьи, Глеб Клюквин.

– Тот самый, который исчез? – подала реплику старуха

в джинсовой панаме.

– Да, тот самый.

– А где сейчас это зеркало?

– Хороший вопрос! – оживился экскурсовод. – Дело в том, что зеркало исчезло вместе с последним членом семьи. Никто не знает, куда оно подевалось.

– Мистика какая-то! – проговорил кто-то из экскурсантов.

– Безусловно! – согласился экскурсовод. – Хотя, скорее всего, зеркало просто куда-то убрали, чтобы избежать лишних разговоров.

– Куда же?

– В этом особняке было много потайных помещений, и возможно, что еще не все они обнаружены. Во всяком случае, в последние годы многие люди пытались проникнуть сюда и найти зеркало, но это никому не удалось.

Тут Надежда совсем рядом увидела свою тезку и вспомнила, зачем, собственно, пришла на эту экскурсию.

– Извините! – зашептала она на ухо женщине. – Муся вам, наверное, передала для меня...

– Какая еще Муся? – недовольно проговорила та. – Я же вам сказала, что не знаю никакой Муси! Первый раз слышу! О чем вы вообще говорите?

– Вообще-то ее Мальвина зовут. – Надежда из последних сил пыталась внести ясность. – Это она так себя в детстве называла – Муся, вот имя и прилипло...

– Да что вы ко мне пристали со своей Мусей? Ни Маль-

вины, ни Марины, ни Маруси я не знаю!

– Надежда! – раздался рядом грозный окрик. – С кем это ты базаришь? Нашла время! Мы вообще-то на экскурсию пришли! За культурой!

Надежда вздрогнула и увидела, что это муж ее собеседницы грозно сверкает очами и уже движется в их сторону.

– Извините... – пробормотала она смущенно, – извините, кажется, получилось недоразумение...

Мужчина схватил жену за руку и буквально оттащил от Надежды, при этом сильно толкнув ее плечом, так что она едва удержалась на ногах.

– Поосторожнее! – сказала Надежда Николаевна вслед, но грубиян только дернул головой и проворчал какое-то ругательство.

Никто из группы никак не отреагировал на его хамское поведение, хотя все стояли рядом.

«Они думают, что я с приветом, от скуки и одиночества мотаюсь по всяким сомнительным экскурсиям и пристаю к людям с разговорами», – поняла Надежда.

Делать было решительно нечего. Самым сильным ее желанием сейчас было убить Муську Василькову. Вот просто взять и придушить голыми руками. И эти руки не дрогнули бы. Хорошо, что Муська находилась вне пределов досягаемости.

Вторым желанием Надежды было оказаться как можно дальше от всей этой группы и вообще от дома купцов Клюк-

виных. Но как отсюда выбраться? Место уединенное, никакой общественный транспорт не ходит. Вызвать такси?

Надежда схватилась за телефон, но передумала. Они спросят точный адрес, а она и понятия не имела, где этот дом Клюквиных находится. От метро ехали минут двадцать, но в какую сторону? Спросить у экскурсовода? Да его сначала поймать нужно, вон, опять куда-то группу потащил.

– Дама, что вы все время отстаете? Сколько можно! Только группу задерживаете! – Противная старушенция в джинсовой панаме снова набросилась на Надежду.

«Отвали!» – хотела сказать Надежда, но в последний момент удержалась.

– Вы бы лучше по сторонам смотрели, чем за мной следить, – посоветовала она, – там интереснее.

Старуха открыла рот для подходящего ответа, но замешкалась, и спутница потянула ее за рукав.

Надежда замедлила шаги и огляделась. Группа ушла далеко вперед, а она решила, что с нее хватит этих застарелых красот.

Шикарно, конечно, было лет сто пятьдесят назад, а теперь того и гляди потолок обвалится. Следовало срочно искать выход. А уж потом она доберется до Муськи. Поедет к ней домой, расспросит соседей... хотя нет, Муська же сама говорила, что соседи от нее шарахаются и даже в лифте вместе не ездят. Надежда их очень понимала – от Муськиной болтовни, пока до своего этажа доедешь, можно запросто умом

тронуться.

Дозвониться до Муськиной дочки Лены? Уже она-то наверняка знает, где мать обретается. Хотя не факт, Ленин муж от тещи прямо трясется после того случая с машинами. «Ну ладно, – заключила Надежда, – будем решать задачи по мере их поступления. А пока следует срочно найти выход из этого гадюшника».

Тут Надежда Николаевна, конечно, была не права, потому что интерьеры особняка и правда впечатляли. Чего стоит, например, эта комната в мавританском, как сказал экскурсовод, стиле. Пол был выложен разноцветными узорчатыми плитками, стены тут и там украшали подковообразные арки, опирающиеся на узкие колонны, похожие на сталактиты, все свободное пространство было покрыто замысловатым восточным орнаментом, а в одной из ниш разместился даже фонтан, правда, не действующий.

При виде этой экзотической роскоши приходили на память то ли дворцы Гранады, то ли балет «Бахчисарайский фонтан».

«Эх, жили люди!» – усмехнулась Надежда словами героя замечательного романа, написанного почти сто лет назад. Будь она в другом настроении, то непременно полюбовалась бы внутренним убранством дома Клюквиных. Но не теперь.

Надежда Николаевна вовсе не была размазней и тетехой. Напротив, женщина решительная и здравомыслящая. А все из-за Муськи! Говорят же: с дураками свяжешься – сам та-

ким будешь.

Надежда успокоилась и решила, говоря военным языком, определиться на местности, чтобы попасть к выходу. Она прислушалась к себе, мысленно представила путь, который они прошли, выглянула в окно, прикинула размеры комнат и выбрала направление. После чего решительно пошла в сторону, противоположную той, куда ушла группа.

С координацией на местности у Надежды всегда все было в порядке, топографическим кретинизмом она никогда не страдала. Она прошла зал с плафоном, затем проскочила еще пару комнат, свернула в боковой коридор – и попала в холл с мраморной лестницей и двумя огромными гранитными статуями. Ну, эти-то прекрасно сохранились. А что им сделается? Они три тысячи лет простояли, а может, и больше, что им какие-то сто пятьдесят?..

Надежда сунулась было в центральную дверь, напротив лестницы, но дверь не поддавалась, и она вспомнила, что в особняк они входили не через нее, а через дверь сбоку. Изнутри центральные двери выглядели гораздо лучше. И правда красивые, с замечательными узорами. Что там экскурсовод говорил? В Италии заказывали? Ах нет, это зеркало какое-то особенное из Венеции привезли. Ну, экскурсоводы всегда разные байки рассказывают.

– Стой! – послышался резкий окрик, когда Надежда Николаевна попыталась открыть боковую дверь. – Кто такая?

Откуда-то вынырнул сторож и стоял сейчас рядом. Надо

же, как неслышно подошел, она и не заметила.

– Кто такая? – повторил сторож и шагнул ближе.

Надежду обдало противным запахом немытого тела и пропахшей потом одежды.

– Что вы так кричите? Я – посетитель, деньги за экскурсию заплатила.

– Это ты к тому обращайся, кому деньги платила, а я ничего не знаю!

– А мне от вас ничего и не надо! – мирно сказала Надежда. – Я выйти хочу.

– А зачем? – Сторож сбавил тон и даже отошел на шаг. – Ваши еще долго там гулять будут.

– А мне пора уже, – спокойно сказала Надежда Николаевна, – так что подскажите ваш точный адрес, чтобы такси вызвать...

– И-и, милая! – даже обрадовался сторож. – Да точного адреса сам Господь Бог не знает! Не то Кривая линия, не то Стекольный переулок, а номера дома вообще нету! И никогда не было!

– А как отсюда выбраться-то? – потеряла терпение Надежда.

– Ну как... я вообще никуда отсюда не уйду лет уже... – сторож посчитал что-то на пальцах, – десять, что ли, а вас вот на автобусе привозят. Но если очень нужно... – он хитро посмотрел на Надежду, и она полезла за деньгами. – Вот, давно бы так. – Сторож спрятал в карман сотню. – Если, значит,

нужно, то, как выйдешь, поверни налево, там будет тропинка, потом забор, в заборе дырка. Это кладбище. Значит, от дырки сразу дорожка, потом на большую дорогу выйдешь, а там уж пройти минут десять – и ворота на улицу. Недалеко автобусная остановка, маршрутка ходит. Ну или можешь такси вызвать, если денег не жалко. Хотя они на кладбище не любят ездить, боятся, что ли... А чего бояться днем-то? А ты иди, не бойся, мы всегда так ходим, так короче будет.

«А сам сказал, что десять лет отсюда не выходит...» – подумала Надежда и, напутствуемая сторожем, вышла на улицу.

Тропинку между кустами она нашла быстро, и дырка в заборе никуда не делась.

Никого не встретив, Надежда бодро зашагала между могилами, пока не увидела впереди того противного хамоватого мужика, на этот раз без жены. А вот интересно, как он обогнал Надежду? Вроде бы вместе с экскурсантами шел...

Про то, что было дальше, уже говорилось.

Итак, Надежда Николаевна стояла возле кладбищенской ограды и думала, что же она может предпринять. В это время у нее в сумке зазвонил мобильный. Она привычно сунула руку в сумку, достала телефон и взглянула на него... Телефон молчал, экран не светился, а звонок по-прежнему доносился из сумки.

Тут до Надежды дошло, что мелодия звонка ей не знакома, а еще через секунду вспомнила, что в ее сумке лежит еще

один телефон – тот, который она подобрала на могиле.

Она торопливо вытащила второй мобильный, поднесла его к уху и услышала сбивчивый, взволнованный мужской голос:

– Надя, это ты?

– Я... – растерянно ответила Надежда Николаевна, не понимая, кто мог позвонить ей по этому телефону.

– Надя, ничего не спрашивай... сделай в точности то, что я тебе скажу...

– Что... кто...

– Говорю тебе – ничего не спрашивай! Если ты все сделаешь, как я скажу, меня отпустят. Запоминай... Запоминай внимательно! Вернешься в особняк Клюквиных, найдешь ту комнату, в которой к тебе подошла та странная женщина, оттуда пройдешь по левому коридору до рогатого старика...

– Что? – удивленно переспросила Надежда.

– Не перебивай меня! Запомни все слово в слово! Значит, дойдешь до старика, там будет дверь... чтобы открыть ее, нажмешь на дудку... потом пройдешь до шкафа, возьмешь с верхней полки вторую справа матрешку и вернешься. Матрешку ни в коем случае не открывай! Ни в коем случае – это очень важно! Ты все поняла? – проговорил мужчина. – Ты все запомнила? Ты ничего не перепутаешь? Сделай это, иначе...

– Я запомнила... – растерянно ответила Надежда. – Но только это не я... то есть это, конечно, я, но не та я, кото-

рая...

Она окончательно запуталась. А в это время в трубке зазвучал совсем другой голос – резкий, властный, холодный:

– Сделаешь все, как он сказал, получишь его обратно, живого и здорового. А если нет...

– Если нет... – как эхо, повторила Надежда.

– А если нет – мы его живым в землю закопаем. На том кладбище, возле которого мы его приняли. Закопаем в чужую могилу, вторым ярусом... поняла?

– Но это ошибка... – попыталась объяснить Надежда. – Это случайность...

Она хотела объяснить этому страшному человеку, что случайно подобрала чужой телефон, случайно стала свидетелем похищения, что она вовсе не та, за кого ее принимают, – но ее уже никто не слышал, из трубки доносились сигналы отбоя.

Надежда растерянно смотрела на телефон. Господи, за что ей это? Ведь она не имеет к этим людям никакого отношения! Они ей совершенно чужие! Может быть, просто выбросить этот телефон и забыть все события сегодняшнего дня, как страшный сон? Но тут она вспомнила холодный и властный голос в трубке: «Мы его живым в землю закопаем... в чужую могилу, вторым ярусом...»

Выходит, теперь только от нее зависит жизнь того человека, мужа ее тезки... Она вспомнила его неприязненный взгляд, грубый голос... Неприятный, невоспитанный чело-

век, да еще толкался! Но это не значило, что его можно предать такой страшной смерти!

Ведь если бы она, Надежда, успела его догнать и отдать телефон... Стоп! А как это он позвонил своей жене по этому телефону, если сам его потерял?

Не потерял, тут же сообразила Надежда, не потерял вовсе, не забыл, не выронил случайно, а оставил. Оставил на той могиле... Для кого? Да для своей жены, естественно, если звонит ей по этому телефону! Какие-то у них тайные дела.

И то сказать, не похожа была эта пара на людей, которые по выходным ездят на экскурсии в какой-то подозрительный дом купцов Клюквиных. Из-за Муськи Надежда не разобралась поначалу, а теперь знала.

А отчего тогда жена не взяла телефон? Да не успела, тут же ответила сама себе Надежда, просто не успела его найти. И Надежду догнать не успела. И теперь не знает, что ее мужа похитили.

А Надежда, вместо того чтобы бежать в особняк, ловить там эту самую жену и рассказать ей о несчастье, стоит тут и размышляет. Когда время так дорого!

Последнюю мысль Надежда Николаевна додумывала на бегу.

Она мигом пролетела через кладбище, не встретив ни единой души, пролезла через дырку в заборе, нашла тропиночку и осторожно подошла к особняку. Площадка перед главным входом отсюда была не видна, так что Надежда понятия

не имела, стоит ли еще там микроавтобус, но надеялась на лучшее.

На двери по-прежнему висел большой заржавленный амбарный замок. К счастью, теперь Надежда знала, что этот замок – обычная бутафория... Опасливо оглядевшись по сторонам, она сняла замок и потянула на себя дверь... Та открылась с ужасным скрипом.

– Стой! Кто такая? – раздался за спиной Надежды строгий голос.

Надежда Николаевна обернулась.

Позади нее стоял все тот же сторож в обмотанных изолен-той очках, однако на этот раз он смотрел на нее подозритель-но и враждебно.

– Ты что тут делаешь? – проскрипел сторож. – Ты что тут замышляешь?

– Дяденька, я ничего плохого не замышляю! Я тут у вас уже была, с экскурсией... вы меня не узнали? – Надежда решила притвориться недалекой боязливой теткой. Так угово-рить сторожа получится наверняка быстрее, чем требовать и качать права.

– С какой еще иск-курсией? – Сторож побагровел. – Ника-ких иск-курсий здесь не бывает, сюда вообще посторонним вход воспрещен, поскольку это угрожаемый объект, и в лю-бой момент может быть обрушение с человеческими жерт-вами! А кто за это будет отвечать? Пушкин? Лермонтов, из-виняюсь за выражение? Нет! Отвечать за это будет Лексеич,

то есть я!

Сторож был настроен очень серьезно. И опять-таки Надежда Николаевна сдержала свое возмущение этим наглым типом. Надо же, деньги с экскурсантов берет, а теперь делает вид, что ничего не знает!

Тут Надежда взглянула на его очки, и ее осенило:

– Дяденька, но прошлый раз, когда вы наспустили...

– Клевета! Никого я сюда не впускал! Не имел никакого полного права кого-то впускать!

– Хорошо, когда вы нас сюда непустили, я тут очки забыла. А без очков, сами понимаете, не жизнь...

– Без очков, конечно, не жизнь, – повторил сторож и машинально дотронулся до собственных очков. В голосе его на этот раз проявилась сочувственная интонация. – А ты хоть помнишь, где их забыла-то? Или весь особняк обшаривать собралась? В таком случае я на это никак не согласный!

– Помню, конечно, помню! На подоконнике, в комнате, где зеленый камин... и вот еще что... – Надежда вложила в руку сторожа купюру, которая тотчас бесследно исчезла в кармане.

– Ну, ладно, коли помнишь, заходи... – смилостивился сторож, – что с тобой поделаешь... без очков, оно и правда плохо, мне ли не знать... и помни мою доброту.

– Никогда не забуду! – пообещала Надежда и вошла в особняк.

Сейчас в нем было гораздо темнее и, чего греха таить, го-

раздо страшнее, чем утром.

В темноте огромный холл казался еще больше и намного таинственнее. Из мрака выглядывали какие-то огромные грозные существа. Надежда попятилась, но тут же вспомнила, что это всего лишь безобидные египетские статуи.

– И ничего страшного здесь нет! – проговорила Надежда вслух, но звук собственного голоса, отразившись от стен, показался ей незнакомым и пугающим.

Она взяла себя в руки, пересекла холл и поднялась по лестнице, стараясь ступать осторожно, чтобы не скрипеть ступеньками. Ей было очень неуютно: казалось, что кто-то крадется следом или ждет наверху, чтобы сбросить ее вниз, под ноги египетским колоссам.

«Это нервы, – мысленно успокаивала она себя. – Сказал же сторож, что тут никого нет...»

Однако все равно было страшно. Противный старик мог и соврать. И вообще, он понятия не имел, что тут в особняке происходит, только щеки надувал.

Лестница наконец закончилась, и Надежда пошла по полутемному коридору. Совсем недавно она проходила здесь с экскурсией, но казалось, что за это время особняк неуловимо изменился. В нем появилось что-то зловещее, что-то угрожающее...

– Возьми себя в руки! – строго проговорила Надежда Николаевна, причем произнесла эти слова вслух, чтобы разрушить настороженную тишину особняка. Однако звук соб-

ственного голоса показался ей чужим, незнакомым и злое- щим.

Внезапно за спиной Надежды раздались чьи-то легкие, ед- ва слышные шаги.

Надежда обернулась – и ей показалось, что она успела за- метить босую девочку в ночной рубашке из старинных кру- жев, мелькнувшую в конце коридора.

– Девочка, стой! – крикнула Надежда и тут же поняла, что ошиблась, приняв за ребенка колыхавшуюся от сквозня- ка шелковую занавеску. – Да что же со мной такое... – про- бормотала она смущенно. – Я материалист, человек двадцать первого века, я не верю ни в какую мистику... Нет никаких привидений, и вампиров, и зеркал, в которых исчезают лю- ди, тоже нет. Это придумали ушлые экскурсоводы, чтобы за- интересововать клиентов.

Нужно взять себя в руки, сделать то, зачем она пришла и уйти, наконец, из этого мрачного особняка!

А если она не встретит тут жену похищенного, то при- дется все сделать самой. Интересно, куда она делась, ее тез- ка? Казалось бы, должна метаться по кладбищу от выхода до особняка, искать мужа, волноваться, что от него нет никаких известий... Во всяком случае Надежда так бы и поступала, если бы у нее муж пропал... Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сгла- зить... И тут же перед глазами встало сердитое, разгневан- ное лицо Сан Саныча, так что Надежда даже поежилась.

А все дело в том, что Надежда Николаевна Лебедева,

преданная мужняя жена и домашняя хозяйка, имела весьма необычное хобби. Причем, как уже говорилось, это было не вязание крючком и не шитье одеял из старых лоскутков, называемое нынче мудреным английским словом «пэчворк».

Надежда Николаевна обожала расследовать преступления и разгадывать всевозможные криминальные загадки, которые жизнь ей подбрасывала с завидным постоянством. Сначала Надежда помогала друзьям и знакомым, которые попадали в такие обстоятельства, потом дошла очередь до совершенно посторонних людей и предметов.

Сан Саныч такое хобби супруги не то чтобы не одобрял, нет, он был категорически против и даже пару раз здорово поскандалил, хотя был человеком сдержанным, интеллигентным и воспитанным. Но он очень боялся за жизнь и здоровье своей легкомысленной, как он считал, жены и запретил ей заниматься такими опасными вещами. Стыдил, уговаривал и брал с Надежды слово никогда больше этим не заниматься. Надежда каялась и слово давала, но потом жизнь подбрасывала ей новую загадку, и все начиналось сначала.

Поэтому она приняла мудрое решение молчать как рыба и ни словечка мужу о своих криминальных занятиях не говорить. «Где была?» – «Гуляла, по магазинам бегала». – «Что делала?» – «Да так, в квартире вот убрала, рубашки тебе погладила, суп сварила... домашние дела, они ведь никогда не кончаются». И тут же разговор переводила на хозяйственные вопросы: «А когда мы ремонт в твоём кабинете делать бу-

дем?» Муж как слышал про ремонт, сразу про все расспросы забывал и отходил куда-нибудь в сторонку. Так и жили.

И все было бы прекрасно, если бы Надежда не родилась в городе Петербурге, не ходила там в школу, не училась в институте и не имела кучу друзей, приятелей и просто знакомых. А Петербург, как известно, город маленький, и среди знакомых поползли слухи о Надеждиных расследованиях. Тут-то она и струхнула, потому что, если бы муж узнал, что она его обманывает, одним скандалом не обошлось бы, могло бы и до развода дойти.

И не докажешь ведь ему, как в данном конкретном случае, что никакой Надеждиной вины тут нет, так уж обстоятельства сложились, и если и можно кого-то винить, то пу-стоголовую Муську, но это дело бесполезное.

Надежда тяжело вздохнула и, вспомнив инструкцию, которую ей продиктовал похищенный мужчина, поднялась на второй этаж, прошла по коридору налево... что дальше?

Самое главное – ничего не перепутать! Ох, нужно было сразу записать инструкцию, хотя бы вкратце... Но у нее не было при себе ни ручки, ни блокнота, а записать инструкцию на телефон как-то не пришло в голову. Да и некогда было.

Надежда напрягла память, и у нее в голове как будто зазвучала магнитофонная запись: «Пройдешь по левому коридору до рогатого старика...»

Что еще за рогатый старик? Надежде сразу эти слова показались странными.

Она внимательно огляделась и вдруг заметила проступающее на стенах коридора изображение. Было темно, Надежда включила фонарик на телефоне и направила его на стену. В ярком голубоватом свете отчетливо проступили тонкие, удивительно изящные рисунки, покрывающие стенные панели: среди кустов и деревьев, как в райском саду, прогуливались всевозможные животные – жирафы и газели, слоны и антилопы, единороги и олени. И златогривый лев, и лучезарный синеокий вол, и кто там еще был...

Надежда шла вдоль коридора, освещая фонариком стены, и перед ней представляли все новые и новые создания. Вскоре она заметила, что все они не просто прогуливались, а шли в одну сторону, словно их кто-то звал.

Наконец Надежда Николаевна увидела, куда идет весь этот карнавал животных. Почти в самом конце коридора на стене был нарисован цветущий холм, на вершине которого стоял играющий на свирели козлоногий фавн. Это к нему шли все животные, очевидно привлеченные музыкой.

Ну вот же он – рогатый старик!

Что там дальше в инструкции?

«Там будет дверь, чтобы открыть ее, нажмешь на дудку...»

На первый взгляд двери не было видно, но когда Надежда направила луч фонарика на стену возле фавна, то увидела едва заметную щель. Она нажала на свирель фавна, и эта щель стала шире, а затем часть стены отодвинулась в сторо-

ну, как дверь купе.

Неужели механизм сохранился с тех давних пор? Да уж, умели строить сто пятьдесят лет назад, и купцы эти Клюквины не дураки, видно, были, умелых мастеров нанимали.

Надежда шагнула вперед и оказалась в новом коридоре, таком узком, что два человека с трудом могли бы в нем разойтись.

Так, что там дальше в инструкции?

«Пройдешь до шкафа, возьмешь с верхней полки вторую справа матрешку и вернешься. Матрешку ни в коем случае не открывай. Это очень важно!»

Шкаф. Где здесь шкаф?

Надежда посветила перед собой фонариком. Впереди коридор поворачивал под прямым углом. Надежда дошла до поворота, свернула – и прямо перед ней действительно оказался высокий дубовый шкаф, на полках которого были расставлены разные старинные безделушки.

На одной полке – фарфоровые фигурки, балерины, трубочисты, солдаты в дореволюционной форме, шарманщики, фонарщики, разносчики с лотками. На другой выстроились в ряд оловянные солдатки, очень тщательно выполненные и искусно расписанные, в форме разных родов войск – гренадеры, кирасиры, гусары. На третьей – яркие, красивые музыкальные шкатулки.

Наконец, на самой верхней полке были расставлены матрешки. Явно старинные, тщательно разрисованные, в ярких

сарафанах, с румянцем во всю щеку.

Надежда Николаевна немного полюбовалась безделушками – настоящий музей! Вот интересно, откуда это все взялось и самое главное – как сохранилось?

Однако время у нее было ограничено. Она снова вспомнила инструкцию.

«Возьмешь вторую справа матрешку».

Вот она, вторая справа – краснощекая матрешка в сарафане в чайных розах... щеки румяные, брови черные, губы как маков цвет, да еще и улыбаются. Взять ее и возвращаться...

Надежда потянулась за матрешкой, но при этом случайно задела полку, и все матрешки посыпались на пол. Мало того, она нечаянно выронила телефон, свой единственный источник света.

Телефон, конечно, погас, и коридор погрузился в глубокую, непроницаемую темноту. Надежде стало страшно, и сердце упало вниз, к матрешкам.

Только не впадать в панику!

Надежда Николаевна опустилась на колени и стала шарить по полу левой рукой. Ей то и дело попадались матрешки, но телефон никак не удавалось найти. Кажется, он откатился в сторону...

Надежда медленно поползла, ощупывая пол перед собой. Проползла примерно метр, еще немного... Вроде бы и пространства большого не было, шкаф стоял в углу, а в темноте

казалось, что далеко. Да где же этот чертов телефон?

И тут она увидела впереди на полу узкую полоску света, пробивающуюся из-под стены, а в ней тускло отсвечивал край ее телефона.

Надежда облегченно выдохнула, протянула руку к телефону и вдруг услышала доносящиеся из-за стены приглушенные голоса.

Кто бы это мог быть? Волосы мгновенно встали дыбом от страха. Неужели призраки? Глупости! Призраки разговаривать не могут, они только завывают в коридорах и пугают заблудившихся гостей в старинных замках. А тут никакой не замок, а обычный дом, не настолько уж и старый.

Нет, всему есть разумное объяснение.

Только что Надежда Николаевна мечтала как можно скорее найти телефон и включить фонарик, чтобы рассеять окружающую тьму, но теперь не стала этого делать. Вместо этого она пригнулась еще ниже к полу, заглянула в щель и увидела знакомую комнату в мавританском стиле, а в этой комнате – опять же знакомых – молодых людей: двух парней и девушку с короткой стрижкой.

Девушка стояла посреди комнаты, держа в руках какой-то развернутый лист бумаги, а парни деловито простукивали стену.

– Нет здесь ничего! – пропыхтел тот, что с хвостом.

– Не может быть, – уверенно возразила ему девица. – По плану это должно быть в этой комнате!

– Может, твой план устарел? – недовольно проворчал парень. – Сколько ему лет?

– План никак не может устареть! Это план девятнадцатого века! С тех пор в доме ничего не менялось, не перестраивали его!

– Ну-ка дай, я еще раз на него взгляну...

Парень подошел к девице, заглянул в план и протянул:

– Может, это левее...

С этими словами он подошел к тому месту, где пряталась Надежда, и постучал в стену.

– Ага! – проговорил он, оживившись. – Вот здесь звук совсем другой! Здесь в стене пустота!

В этот самый неподходящий момент у Надежды зверски зачесалось в носу и ей захотелось чихнуть. Она зажала нос и отползла назад. Парень с хвостом, видимо, что-то услышал, насторожился и проговорил:

– Вы слышали? Там кто-то есть!

– Да кто там может быть! – возразила ему девица. – Никого там нет. Тебе показалось.

– Ничего не показалось! Я точно что-то слышал.

– Ну, значит, крысы!

– Нет, вы сами послушайте!

Надежда тихонько встала, попятилась и наступила на одну из матрешек. Споткнувшись, она стала заваливаться назад и замахала руками, ища, за что бы ухватиться, но тут ее вдруг обхватила чья-то сильная рука, а другая рука зажала ей рот.

Надежда попыталась закричать, но вместо крика вышел только тоненький писк.

Парень с хвостом, однако, расслышал этот писк и проговорил, успокаиваясь:

– Да, точно, это крысы. Или, может быть, мыши. Здание старое, их тут полно.

– Ты это нарочно говоришь! – взвизгнула девица. – Знаешь ведь, как я их боюсь!

– Тогда не ходила бы сюда! – подал голос второй парень, лохматый, как Тарзан. – И вообще, мы сюда по делу пришли, так хватит на ерунду отвлекаться. Подумаешь, мыши, нашла кого бояться. Времени мало, давай свой план! Что там не так...

Надежде, однако, было не до них. Она пыхтела, пытаясь освободиться от удерживающего ее незнакомца. В какой-то момент она исхитрилась его укусить, и он отдернул руку.

– Отпусти меня немедленно! – прошипела Надежда.

– А ты не будешь кричать? – прошипел в ответ незнакомец.

– Не буду!

– Ну, смотри у меня!

Он ослабил хватку – и Надежда тут же пнула его ногой. Он охнул, и снова схватил Надежду, прошептав:

– Ты же обещала...

– Я обещала не кричать, а насчет того, чтобы не драться, речи не было...

Они переругивались злобным шепотом, все же отойдя от той стены, где была щель.

– Вообще, кто ты такая и что здесь делаешь?

– Я... я сюда случайно попала... – пролепетала Надежда.

Тут из-за стены снова раздался испуганный голос девицы.

– Точно, за стеной кто-то копошится... крысы, наверное!

– Тсс! – зашипел незнакомец и потянул Надежду назад по коридору.

– погоди... я здесь телефон потеряла.

Примерно помня, где видела телефон, Надежда Николаевна опустила на колени, нашарила аппарат и тут же включила фонарик, направив луч света на незнакомца...

Надежда узнала его: это был один из участников подпольной экскурсии, тот самый толстяк, который один занимал два сиденья в автобусе. Только теперь он не казался таким толстым. Ну, полноват немного, но не более того. И морда не такая развязная.

Неужели, подумала Надежда, тогда, на экскурсии, он что-нибудь подложил под одежду?.. Да зачем ему это?

Надежда спохватилась, что мысли о телосложении этого мужчины сейчас совсем не своевременны, и возмущенно прошипела:

– Это вы!

– Не свети в глаза! – огрызнулся тот, заслоняя лицо ладонью.

Надежда отвела луч в сторону.

– А это ты! – разглядев Надежду, ответил мужчина точно таким же тоном, а потом жестами дал понять, что отсюда нужно уходить.

Надежда кивнула и послушно пошла за толстяком. При этом она с горечью думала, что на полу возле шкафа остались матрешки, одна из которых – та самая, за которой ее послал похищенный мужчина. Но подбирать их под пристальным взглядом подозрительного толстяка она не решилась, подумав, что вернется за матрешкой чуть позднее, когда так или иначе отделается от него.

Они прошли по коридору, завернули за угол, и мужчина остановился, уставившись на Надежду.

– А теперь признавайся, кто ты такая и что здесь делаешь? И смотри – говори правду и только правду! – строго, хотя и негромко проговорил он.

– Вот интересно, мы что, близко знакомы? С какой это стати вы мне тыкаете?

Возмущение Надежды было нарочитое – она просто хотела выиграть время и лишить собеседника инициативы. Но тот отнесся к ее словам вполне серьезно.

– Хорошо, будь *по-вашему*. Но теперь *признавайтесь*, кто вы такая и что здесь *делаете*!

– Вот теперь другое дело! – фыркнула Надежда. – Только признаваться мне не в чем: вы и так знаете, что я была на экскурсии, отстала от группы, заблудилась и случайно попала в этот коридор...

– И вы думаете, я поверю в этот бред? Поверю, что вы несколько часов бродите в этом особняке? Да вы бы тогда впали в панику, метались, звали на помощь, и мне обрадовались бы как родному!

– Да, особенно после того, как вы зажали мне рот и чуть не придушили!

– Да я просто не хотел, чтобы вы заорали от неожиданности!

– А вообще, что это вы мне задаете вопросы, прямо как следователь обвиняемому? Я могу точно так же спросить – кто вы такой и что здесь делаете?

– Задать-то можете, но отвечать я вам не обязан.

– А я, значит, обязана? С какой это стати?

– Я здесь выполняю важное задание, о котором не имею права распространяться, а вот вы...

– И почему это я должна вам верить?

– Ох, трудно с вами! Хорошо, не должны. Тогда мы сейчас пойдем в другое место, и там...

– Никуда я с вами не пойду!

– Еще как пойдете! – толстяк потянулся к Надежде, но она направила ему в лицо фонарик.

Мужчина зажмурился от яркого света, а Надежда Николаевна тут же выключила телефон и отскочила в сторону.

Это напоминало ей детскую игру в прятки. Толстяк пытался в темноте где-то совсем рядом, пытаясь нащупать Надежду. Надежда метнулась вперед, налетела лбом на стену,

ухватилась за что-то, чтобы удержаться на ногах, и тут стена перед ней отъехала в сторону и она оказалась в большом светлом зале.

Оглядевшись, Надежда поняла, что это тот самый зал, потолок которого расписан изображениями античных богов. Только на этот раз она была в этом зале не одна. Здесь сновало множество озабоченных людей – одни в простых джинсах и футболках, другие – в пышных нарядах восемнадцатого века. В углу зала в складном кресле сидел бородатый мужчина в надвинутой на лоб черной кепке, с рупором в руке. Время от времени он подносил рупор ко рту и кричал:

– Гена, правее! Я говорю тебе – правее, а не левее! Ну да, правее, если смотреть от меня, а если от тебя, то левее! Что тут непонятного? По-моему, все просто! Мила, что у тебя с волосами? Немедленно поправить! Вообще, кто-нибудь собирается сегодня работать? Мы теряем освещение! Черт знает что! Василий, что я тебе говорил про это опахало? Оно здесь совершенно не корреспондирует! Ты не можешь запомнить такую простую вещь?

В эту минуту к Надежде подскочил невысокий лысый дядька в клетчатой рубашке и вложил ей в руки огромное опахало из страусовых перьев со словами:

– Что ты стоишь? Отнеси это опахало Марине Олеговне! Да быстро, не видишь, что ли, Сам на взводе! Он уже рвет и мечет! Если мы потеряем еще один съемочный день, это будет просто конец света!

Надежда поняла, что снующие вокруг нее люди – это киношники, о которых говорил сторож, и что в зале идет обычный съемочный процесс. Она хотела объяснить клетчатому, что не имеет отношения к киногруппе, но тот уже умчался в другой конец зала.

Внезапно она заметила толстяка, от которого только что с таким трудом сбежала. Он стоял в сторонке и оглядывался по сторонам, явно отыскивая ее, Надежду, поэтому она прикрылась опахалом и тихонько двинулась на выход.

Перед дверью курил худощавый мужчина в полурасстегнутом камзоле, с длинными волосами и наведенными гримом темными подглазьями и разговаривал с полной женщиной в вязаной кофте.

– Представляешь, Люся, я ему показываю больничный – а он говорит, что я могу им подтереться! Я ему говорю, что у меня обострение гастрита, а он грозит найти другого Дракулу...

– Как я тебе сочувствую! – вздохнула женщина, но, увидев Надежду, строго проговорила: – Куда вы несете это опахало? Оно нам понадобится! Оно задействовано в этой сцене!

– Но мне велели передать его Марине Олеговне.

– Кто велел?

– Как его... ну, такой, в клетчатой рубаше.

– Ах, Василий? Ну, если Василий велел, значит, на эту тему было высочайшее распоряжение! Ладно, коли так, носи это опахало Марине Олеговне.

– Но почему мне никто об этом не сказал? – обиженно произнес человек в камзоле. – Со мной никто ничего не согласовывает! Меня никогда не ставят в известность!

Он бросил на пол недокуренную сигарету и затоптал ее.

К нему тотчас подскочил заполошный мужичок в полувоенной униформе и возмущенно заверещал:

– Да что это такое? Здесь вообще курить нельзя, я и то смотрю на это сквозь пальцы, а вы уже совсем распоясались! Окурки на пол кидаете! А если их потом найдут – кто будет отвечать?

– Да оградите же меня от этого маньяка! – застонал актер, трагически закатив глаза.

– Сам маньяк! – возмутился мужичок. – Это ты маньяк, а я ответственный за пожарную безопасность!

– Ну что ты здесь стоишь? – повернулась к Надежде женщина в вязаной кофте. – Ты видишь, что у нас творческий кризис? Ты видишь, что нам не до тебя с твоим опахалом? Тебе велели отнести это опахало Марине Олеговне – вот и носи!

– Да, только где она?

– Господи, откуда тебя только откопали? Марина Олеговна у себя! – женщина махнула рукой куда-то в сторону коридора.

«И почему они все мне тыкают?» – подумала Надежда и направилась в указанном направлении.

Коридор был пуст. Надежда замедлила шаги и прислуша-

лась. Вроде бы никто не шел за ней следом, толстяк остался в зале. Вот интересно, кто он такой? И кто эти трое молодых людей, и что они ищут? С киношниками-то все ясно: снимают свой исторический фильм, или хоррор, или что там еще, до остального им нет дела.

Надежда шла и шла, а коридор все не кончался. Да, жили люди сто пятьдесят лет назад, пока дом обежишь – все ноги собьешь. А если его нужно пропылесосить?..

Где-то вдалеке скрипнула дверь, и чуткое ухо Надежды уловило женское пение. Низкий, чуть надтреснутый голос выводил слова старинного романса:

– Ах, не говорите мне о нем, не говорите мне о нем!

В модуляциях голоса было что-то знакомое, Надежда вспомнила, что уже слышала этот романс в этом же исполнении. Ну да, в театре. В какой же пьесе? «Бесприданница»? «Чайка»? «Живой труп»? Точно какая-то классика, и было это ужасно давно...

Коридор повернул, и Надежда увидела, что одна из дверей захлопнулась сквозняком. Она подкралась к ней и приложила ухо к шершавой поверхности.

– Он виноват, что я грустна, что верить людям перестала, что много лет уже одна... – доносилось из-за двери.

«Неужели это она? – в смятении подумала Надежда. – Да сколько же ей лет?»

– Так говорите мне о нем! – пели в комнате уже в полный голос. – Так говорите мне о нем! Черт! – Тут певица закаш-

лялась и хрипло произнесла: – Да заходи уж, что ты под дверью топчешься!

Надежда вошла и увидела женщину, сидящую за столиком спиной к входу и что-то делающую со своим лицом.

«Не она, – подумала Надежда, глядя на костлявую и чуть сутулую спину. – У той осанка была как у королевы».

Женщина натянула седой парик и встала, сбросив халат, под которым оказалось платье со множеством нашитых на нем стекляшек, изображавших, видимо, драгоценные камни.

Неуверенно переставляя ноги и покачиваясь, актриса вышла на середину комнаты и только тут обратила внимание на Надежду.

– Ой, а вы кто? – взвизгнула она, и на миг сквозь грим и годы проступила та самая молодая красавица, которая пела так страстно и выразительно, аккомпанируя себе на гитаре. И спина выпрямилась, и голова гордо сидела на длинной шее. Да она и молодую сыграет, а что морщин многовато, так в театре не видно...

– Это вы? – Надежда не верила своим глазам. – Это вы... в таком образе?

– Я, – актриса вздохнула, – такая вот роль мне досталась. А на кого я похожа?

– На английскую королеву Елизавету Первую, – вспомнила Надежда портрет, – в старости.

– Точно! Так и было задумано! А все же вы кто? Если журналистка, то сейчас не время...

– Да нет, я человек посторонний, вот, просили вам отнести, – Надежда протянула ей опахало.

– Да? Зачем мне оно? Ну ладно, бросьте вон туда.

– Скажите, – полюбопытствовала Надежда, – а что это за фильм снимают?

– Из жизни вампиров, – вздохнула актриса, – называется «Мать Дракулы». Вот я та самая мать и есть.

Надежда вспомнила брюзжащего актера, играющего роль Дракулы. Да, мать явно лучше смотрится.

– Режиссер весь из себя в непомерных амбициях, сценарий – полное барахло, отстой, художник бездарь, а что делать? Деньги хоть какие-то платят. В театре-то теперь я мало играю, там молодые прыгают, кувыркаются, куда за ними успеть, в мои-то годы... – вздохнула знаменитая когда-то актриса.

– Все равно удачи вам! А не подскажите, как мне отсюда выйти? – спросила Надежда.

– Ах, это... – Актриса взялась за телефон. – Игорек, ты не уехал еще? Подожди, сейчас женщина выйдет. Отвези ее куда скажет.

– Да мне только до метро! – обрадовалась Надежда.

Она высунула голову в коридор, там было пусто. Следуя наставлениям актрисы, Надежда прошла еще немного, свернула за угол и оказалась в холле. Сторожа не было, дверь открывалась изнутри без ключа, а на улице Надежду ждал рослый парень в темном костюме.

– Это вы от Марины Олеговны? – спросил он.

Надежда кивнула и попросила ее отвезти к «Василеостровской».

В дороге оба молчали, парень даже музыку не включил. Надежда же боялась, что сейчас зазвонит чужой телефон и похищенный мужчина спросит, нашла ли она матрешку. А что она ему ответит? Нечего ей было сказать.

Но телефон не зазвонил. Зато позвонила мать и спросила напряженным голосом, когда Надежда наконец придет: потому что урожай надо непременно собрать, зря, что ли, она спину гнет на этом огороде, а им никогда ничего не надо, так что на следующий год она и заморачиваться не станет, пускай все грядки сорняками зарастают...

Поскольку так мать говорила каждую осень, Надежда не принимала ее слова близко к сердцу и пообещала приехать как сможет.

– И «Биофон» не забудь! – крикнула мать, которая никогда ничего не забывала, но Надежда уже нажала кнопку отключения.

Утром Надежда Николаевна пыталась дозвониться до Муськи, а когда ей это не удалось, не очень-то и расстроилась. Муська же предупреждала, что будет недоступна.

Она послала сообщение Муськиной дочери, но та вскоре ответила, что в данный момент в отпуске с мужем и детьми и о местонахождении мамы понятия не имеет, за ней не усле-

дишь, они уже к этому привыкли.

Надежда не стала рвать на себе волосы, топтать ногами и ругать Муську последними словами – все равно не поможет, человека не переделаешь. Она вспомнила вчерашние приключения и посмотрела на телефон, который подобрала на кладбище. Он молчал, звонков не было.

Надежда забеспокоилась, не понимая, хорошо это или плохо. Возможно, похищенный сумел как-то удрать от своих похитителей, встретился с женой, или кем она ему приходится, и сам решил свои проблемы. А возможно, все гораздо хуже. Она отогнала от себя плохие мысли и поняла, что ей нужно снова ехать в особняк Клюквиных, чтобы найти ту самую потерянную матрешку. И уж теперь она точно ее откроет и разберется, что там такое внутри. И вообще, разберется во всей этой истории.

Надежда Николаевна очень не любила, когда ее используют, что называется, втемную. Да и кто такое любит?

Вчера краем уха она слышала разговор экскурсовода с водителем, который жаловался, что народу на экскурсию много записывается, совсем, мол, заработался, скорей бы осень, хоть дети в школу пойдут, тогда можно будет передохнуть. Так что Надежда решила идти проверенным путем, то есть к десяти тридцати прибыть на «Василеостровскую».

Как всякая опытная жительница Северной столицы, прежде всего она озаботилась погодой, для чего выглянула в окно. Дождя не было и ветер не гнул деревья, но неяркое

солнце раздумчиво выглядывало из небольших пока облаков. Надежде такая солнечная неуверенность очень не понравилась, и она обратилась к синоптикам. Насчет дождя те могут и напутать, зато температуру точно покажут, так что можно будет решить, во что одеваться.

Надежда включила телевизор, но канал был не тот, и она хотела уже переключить, однако рука ее замерла в воздухе. Потому что на экране она увидела ту самую женщину, из-за которой, можно сказать, весь сыр-бор и случился.

Надежда моргнула, не поверив собственным глазам, потом подошла ближе. Ну да, не было сомнений, это она, жена того самого похищенного типа, ее тезка, тоже Надежда. И толстовка на ней та же самая, неприметная, и глаза заплаканы.

Надежда осознала, что чего-то не хватает, и сообразила наконец включить звук.

– ...Случилась вчера на Васильевском острове! – послышался бойкий голос ведущей. – Как уже знают наши постоянные зрители, там, за лютеранским кладбищем, можно сказать, что далеко от цивилизации и от всей городской инфраструктуры, расположен старинный особняк купцов Клюквиных, известный жителям города как особняк с таинственным зеркалом...

Надежда наострила уши и вся превратилась в слух.

– Много тайн хранит этот старый дом! – как по накатанному неслась ведущая, заполняя свою речь газетными штам-

пами. – И среди них главное место занимает таинственное зеркало, которое еще называют зеркалом Дракулы. По старинному преданию, это зеркало когда-то принадлежало самому вампиру Владу Цепешу, известному в истории также как граф Дракула. – Тут ведущая немного помолчала, осознав, что говорит что-то не то, но быстро собралась и бойко продолжила: – По слухам, зеркало необычное: тот, кто заглянет в него, обязательно исчезает. Конечно, это только легенды и слухи, тем более что зеркало спрятано в потайных кладовых дома Клюквиных, и спрятал его сам хозяин много лет назад, после того как у него пропала дочь, заглянув в это зеркало.

Надежда вспомнила, как ей в коридоре особняка почудился призрак маленькой девочки, и помотала головой, чтобы избавиться от воспоминания. Не может такого быть! Призраков не существует! Во всяком случае, она в них не верила.

Тут кадры особняка Клюквиных, который, надо сказать, порядком уже надоел Надежде, сменились крупным планом. Снова показали заплаканную тезку Надежды и ведущую – разбитную такую девицу, которая в отвратительной манере, свойственной многим ведущим, совала собеседнице микрофон прямо в лицо. И хотя Надежда сперва подумала, что девицу эту в жизни не видела, в душе шевельнулось сомнение.

Поворот головы, и шагает как-то боком, правое плечо чуть вперед... Совсем недавно уже видела где-то нечто подобное.

Недаром среди всех друзей и знакомых Надежда Николаевна славилась своей наблюдательностью!

Да ведь это же вчерашняя мамаша с ребенком, похожим на Гарри Поттера, которая была на экскурсии. Ну, точно она, теперь и по лицу узнать можно, только вчера это была бледная моль, зализанная мымра без косметики, а теперь бойкая такая девица, покрашенная не в меру, и волосы торчат во все стороны, как пружинки.

– Что вы можете сказать о своем пропавшем муже? – со-рокой стрекотала ведущая. – Как это случилось? Вчера вы были с ним на экскурсии?

– Ну да, – гнусавым голосом отвечала женщина в толстовке, прикрывая лицо платочком, – мы поехали на экскурсию в дом этих... как их... Черникиных... то есть Клюквиных... мы хотели посмотреть, приобщиться... и ничто не предвещало... мой муж... он... он отошел в сторону, а там такие коридоры...

«Точно, – подумала Надежда, – так и было. Отошел в сторону, незаметно выскользнул из особняка и побежал на кладбище, там созвонился с кем-то, потом ей телефон оставил для страховки, а сам пошел на встречу...»

– Так может, он просто заблудился? – влезла ведущая. – Нет, я-то вам, конечно, верю, но наши зрители...

– Да как он мог там заблудиться? Это же не лес все-таки, а он не ребенок! – всхлипнула несчастная супруга. – Наверное, случайно наткнулся на это злополучное зеркало, погля-

дел в него и пропал. Понимаете – его нигде нет! Со вчерашнего дня! И телефон не отвечает! Я уже места себе не нахожу!

Камеру снова перевели на ведущую.

– Да... Если в исчезновении мужа этой женщины повинно зеркало Дракулы, то там, куда он попал, мобильники точно не работают.

Дальше ведущая довольно долго разглагольствовала по поводу таинственных исчезновений, приплела зачем-то Бермудский треугольник, но все это были общие слова, и Надежда спохватилась, что опаздывает на экскурсию. Нужно ведь еще одеться так, чтобы ее не узнал экскурсовод, а то еще насторожится.

Однако что это было? В этой передаче? Зачем ее тезка притворяется перед зрителями, будто муж исчез в зеркале? Не может же она и вправду верить в такое?

Ее муж дал Надежде точные инструкции, из чего было ясно, что кое в чем она была в курсе. И на экскурсию они потащились не просто так, а по делу. То есть тезка точно знала, что никакое зеркало – хоть графа Дракулы, хоть герцога Синей Бороды, хоть маркиза Карабаса – в исчезновении ее мужа участия не принимало. Чушь все это, сказочки для легковверных. Работали они в паре, не зря он ей телефон оставил. Для подстраховки.

Правда, Надежда им всю малину испортила, сама того не желая. А с другой стороны, сами виноваты. Вот не рычал бы

на нее этот похищенный, а жена не хамила бы, объяснила бы по-хорошему – мол, извините, ошибка вышла, мы не те, кто вам нужен, – так Надежда повела бы себя по-другому и не стала бы прятаться на кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.